

К

ак-то Леонид Леонов заметил: «Есть книги, которые читаются; есть книги, которые изучаются терпеливыми людьми; есть книги, что хранятся в сердце нации». Конечно, в сердце нации хранится русская классика Золотого века, но, потеснив ее, на этой полке нашли свое место и некоторые другие книги русских писателей. Достоинно смотрится сборник статей, написанных во время Великой Отечественной войны. Эта книга особенная, потому что мысли и чувства авторов публицистических выступлений были направлены только к одной цели — освобождению своей любимой Родины от фашистских полчищ, вероломно и нагло продвигавшихся по нашей земле, уничтожая всех, кто оказывал хоть небольшое сопротивление, осквернявших наши святыни, вытаптывавших наши поля, вводивших новый порядок.

Публицистика военных лет — это уникальная летопись героической борьбы с сильным и коварным врагом, это отражение непрерывного движения к Победе. Даже в страшные периоды отступления, крупных потерь и лишений публицисты метким, образным, острым словом вселяли в читателей уверенность в свои силы, рассказывали о беспримерных ратных подвигах воинов, о проявлении мужества, стойкости, бесстрашия гражд-

данский населением. Наши соотечественники с нетерпением ждали свежих номеров «Правды», «Известий», «Красной звезды», чтобы прочитать яркие статьи, интересные очерки, жгучие памфлеты, захватывающие рассказы, написанные настоящими мастерами художественного слова. А. Толстой, И. Эренбург, Л. Леонов, М. Шолохов, Н. Тихонов, Вс. Вишневский, Б. Горбатов, Б. Полевой и другие писатели видели свою задачу также в воспитании своих современников. Дидактизм военной публицистики проявлялся в разъяснении читателю политической ситуации, сущности фашизма, информировании его о произошедших событиях, аргументации своих оценок, призыве читателя к действию.

Писатели боролись с ненавистным, лютым врагом сильным, выразительным, по-настоящему боевым, действенным словом. Они воспитывали у советских людей высокие патриотические и гражданские чувства. Эту цель отметил Леонид Леонов в одной из публикаций: «Какой могучий призыв к подвигу, мужеству и мщенью заключен в каждодневном шелесте газетного листа!». Писатели разъясняли идеологию нацизма, обнаруживали подлинное лицо строителей «нового порядка», учили непримиримо относиться к фашизму. Публицистический жанр бил, как говорится, прямой наводкой по врагу. Публицисты военных лет обращались с воззваниями, письмами, статьями-посланиями к офицерам, бойцам Красной Армии, защитникам Ленинграда, партизанам Брянщины, Украины и Белоруссии, труженикам тыла, женщинам и детям и даже к грядущему поколению. Они рассказывали суровую правду о войне, поддерживали в народе светлую мечту о победе, задумавшему беседовали о родине, о жизни и смерти, призывали к стойкости, мужеству и упорству.

Без чтения публицистических текстов, созданных в годы военного лихолетья, молодое поколение XXI века не будет иметь объективного взгляда на историю великой войны.

Крупным мастером военной публицистики выступил Леонид Максимович Леонов (1899–1994). К началу Великой Отечественной войны он был уже признанным писателем. Среди его произведений романы («Барсуки», «Соть», «Вор», «Скутаревский», «Дорога на Океан»), повести («Белая ночь», «Саранчуки» и др.), пьесы, рассказы. У литератора сформировалась собственная художественная картина мира, выработался стиль изложения, появился свой, думающий, читатель. Захар Прилепин в книге о Леонове, изданной в серии ЖЗЛ (М., 2010), приводит отзывы довоенных читателей о творчестве прозаика. Мнения звучали в основном так: читая книги Леопова, начитаешь думать о многом, даже не имеющем прямой связи с темой произведения. «Книга рождает бодрые мысли. Достоинство книги в том, что она ставит проблему, недостаток ее — в том, что она ставит слишком много проблем».

Эта манера письма, этот идеостиль, конечно, характерны и для публицистики. Литературовед О. Михайлов об этом общем подходе к написанию художественных и публицистических произведений заявил так: «Мышление Леопова — художника и публициста — едино в своей глобальной устремленности». Публицистика адресована прежде всего мыслящему читателю, гражданину, патриоту. Полагаю, что идея, объединяющая все статьи военного времени, отражена в реплике Федора Таланова, героя пьесы «Нашествие», созданной в этот же период: «Я русский. Защищаю родину». Леонов часто использовал различные тропы, лексику высокого стиля, необычные сравнения, что придавало его статьям особую выразительность, экспрессивность, яркость.

Уже в первые дни войны писатель почувствовал, что его слово необходимо народу и армии. Названия статей, созданных в самом начале жестокого противостояния, говорят сами за себя: «Вставайте, народы!», «Что ты сделал для

Леонид Леонов

победы», «Наша борьба священна», «22 июня 1941 года». В период стремительного продвижения врага к столице Л.М. Леонов написал статью «Наша Москва», которая была опубликована 25 ноября 1941 года в газете «Красный флот». Начинается это публицистическое выступление эпическим зачином, им автор противопоставил гармонию природы социальному злу: «Русская зима вступает в свои права. Ровный чистый снег ложится на поля... но чужим поганым следом затоптаны нынче дороги к милой столице. Враг упорно рвется к Москве». Внимательно вчитываясь в это короткое, но глубокое произведение, читатель XXI века поймет всю несостоятельность современных измышлений о войне, необъективность некоторых оценок, касающихся ее временных поражений и глобальных побед. Текст статьи в данном случае выступает как исторический документ: «*Один на один бьемся мы с бедой, грозящей всему свету. Все умное и живое, затаив дыханье, следит за эпизодами беспримерной схватки, потому что здесь решается судьба человечества: оставаться ему свободным или, утратив все, с арканом на шее пойти в арьергарде свирепых фашистских орд*» (курсив мой. — Л.З.).

Леонов подчеркивал значение Москвы для русской истории, писал о том, что уже не раз враги приближались к нашей древней столице, но никогда не могли ее покорить. С Москвой связано слишком много воспоминаний, поэтому «родина полна решимости защищать этот древний мировой город». Родина шлет сюда полки и оружие, на недавнем ноябрьском параде она шагала в ногу со своими героями, по утрам «она очами сердца видит утренние московские улицы». И хотя всей индустриальной громадой поработенной Европы напирает на нас враг, автор верит в то, что «никогда Гитлер не увидит коленопреклоненной нашу Москву».

Выразительность мыслям автора придает использование различных видов тропов: метафоры, анафоры, эпитеты, олицетворения, восклицательные предложения буквально пронизывают текст. Вот, к примеру, интересное образное сравнение: «Как и четыре месяца назад — конца войне не видно. Больше того, владеть сегодня Европой — это все равно что владеть пороховым погребом, где под ногами бегут и тлеют искры. Напрасно враг пытается трупами своих солдат завалить пропасть, отделяющую гитлеровскую Германию от победы: без-

донна эта расщелина смерти!» А вот еще одно сравнение, связанное с жизнью русского народа. Народ сравнивает гитлеровское чудовище с лесным зверем, которого рогатиной встречали бывалые русские богатыри. Известно, что даже когда лезвие уходило глубоко в тело зверя, он, не замечая боли, продолжал сопротивляться, сознавая чутьем, что остановка — это смерть. Только отчаянье становится движущей силой его нападения. «В эту решительную минуту — выдержит ли, выдюжит ли русская рука?» — спрашивал автор. Ответ был очевиден: конечно, выдержит, выдюжит.

Светло, оптимистично завершил Леонов статью «Наша Москва». Он искренне верил в то, что «новые весны обольют своим светом пожженные, подавленные танками наши сады» и что люди с безмерной благодарностью будут помнить имена славных защитников Москвы.

Прекрасна статья писателя о безмолвной сосредоточенности человеческой печали. Так образно он назвал состояние, царившее в нарядных московских залах, где проходила выставка ленинградских художников. На ней были показаны работы за зимний период 1941–1942 года. Стоит только вдуматься в эти даты и недоуменно воскликнуть: какие картины можно написать в это лютое время?! Но вернисаж состоялся. На нем были богато представлены графика и живопись, скульптурные работы. Эти произведения были созданы в блокадном городе, который умирал, но не сдавался. Авторы многих творений не дожили до открытия выставки: «они легли в мерзлую, плохо разрытую землю братской могилы».

Для каждого русского человека, писал Леонов, Москва и Ленинград, город-мать и город-сын — дорогие имена, включающие тысячи самых разнородных философских и политических понятий. Ленинграду автор создал настоящий гимн, в котором подчеркнул беспримерную красоту его архитектуры, его светлые беззакатные вечера, его романтическую фантастику, царственность его площадей и улиц. «Десять русских императоров руками величайших зодчих воздвигали и холили этот многокилометровый памятник всесторонней русской деятельности», подчеркивал он. Здесь творили Пушкин, Достоевский, сюда приезжал «из недр России в скрипучем овчинном полушубке» Лев Толстой, «чтобы сверить замысел с оригиналом». В этой толстой каменной книге России, заключая Леонов, нет ни одной пустой страницы. «И каждая песчинка из ленинградской мостовой дорога нам как родительское благословение на жизнь и подвиг». Но у «фашистских гомункулов, выведенных в смрадной гитлеровской яме», свое понятие о доблести: германские пушки взрывают неповторимые драгоценности Ленинграда. Блокада еще не снята, поэтому святыни великого города находятся в постоянной опасности взрывов и пожаров.

О жизни в блокадном городе рассказывают произведения-раны, произведения-улики. На них — «щербатый, искрошенный лик города-красавца», иссиня-белый колорит: снег, снег, снег... Знакомая архитектура: прославленная Адмиралтейская игла, Александрийский столп, одетый от бомбежек в деревянную одежду. Но главное на полотнах — люди. Вот девушки вносят из разбомбленного здания ребенка; большого везут на санках на санитарный пункт; под развороченным бомбой потолком цеха ночная смена осматривает танки, готовые завтра ринуться в бой; а вот рабочие металлургического завода привязали себя к станкам, чтобы не упасть от истощения в рабочее время. Рядом с законченными произведениями лишь эскизы картин, которые не будут написаны никогда. Их автор, худой и очень суровый ленинградский художник, не выпускавший кисти из своих синих от холода рук. Его имя Ярослав Николаев. Его убил Гитлер в блокадную зиму 1942 года.

Эти люди, что изображены на полотнах, и все жители блокадного Ленин-

града — настоящие герои. Джентльмен, уверен Л. Леонов, в какой бы части света он ни жил, «не смеет не пожать им руку». Поэтому «не страшно жить на земле, пока живут и дерутся за жизнь... такие люди!».

Многорукий иноземный вор, как назвал фашистов Леонов, встретил мощное сопротивление. Воинами стали девушки и дети, женщины и старцы. Все услышали набатный колокол, все поняли, что нужно любой ценой остановить «свирепое лихо», которое ползет по родной стране, оставляя за собой безмолвную пустыню. Героически сражаются люди за свою землю, за родину. Тихо и строго, как молитву, произносят герои слова, готовясь к подвигу:

— За свободу, честь и достояние твое... в любое мгновение возьми меня, родина. Все мое — последний жар дыхания, и пламя мысли, и биение сердца — тебе одной!

Тени предков обнажают головы перед героями. Суровые и непреклонные пращуры, «оборонявшие родную землю в годы былых лихолетий», уверены, что племя богатырей не поредет никогда, «потому что самый слух о герое родит героев». В жестоком бою они стоят плотным строем, один к одному, как звенья на стальной кольчуге Александра Невского. Весь свет, утверждал Леонов, «дивится нынче закалке и прочности этой брони, о которую разбиваются свирепые валы вражеского нашествия. Нет такой человеческой стали нигде на Западе. И в мире нет такой. Она изготавливается только у нас».

Примеров героических подвигов очень много. «Вот юноша-красноармеец заслоняет собою амбразуру пулеметного гнезда, чтобы преградить дорогу смерти и обезопасить идущих в бой товарищей. Вот сапер, когда разбило осколком его миноискатель, голыми руками, на ощупь, и в сыпучих сугробах по пояс, расчищает перед штурмом минированное поле. Вот, приколов, как реликвию, поверх бушлатов клочки нахимовского мундира, идет в последнюю атаку севастопольская морская пехота...».

Родина скорбит о павших, но, убежден писатель, забвенье никогда не поглотит памяти о лучших из ее детей. «Грозен и прекрасен летчик Гастелло, который крылатым телом своим, как кинжалом, ударил в гущу вражеской колонны. Легендой прозвучал подвиг двадцати восьми братьев, которых сроднила смерть на подмосковном шоссе. Бессмертен образ комсомолки Зои, которую мы впервые увидели на белом снегу газетной страницы в траурной рамке. Вся страна пылливо вглядывалась в это красивое лицо русской девушки. Ни смертная мука, ни ледяная могила не смогли стереть с него выражение бесконечной решимости и прощальной улыбки милой родине...»

По мнению писателя, «созвездия надо бы называть именами этих людей, смертью поправших смерть!»

На лучших площадях наших городов, полагал Леонов, будут поставлены памятники бессмертным героям, у гранитных подножий которых будет выбита великая заповедь, адресованная грядущему поколению: «Любите родину свою, как мы ее любили!»

Героев много, но пока историки, скульпторы и поэты найдут для них достойные формы памяти, пока отечество оденет в бронзу их образы, необходимо сохранять в народной памяти их живые черты. Писатель счел своим долгом рассказать еще об одном герое — Владимире Тимофеевиче Куриленко, голубоглазом, русоволосом русском семнадцатилетнем юноше, сыне учителя на Смоленщине. Он родился 25 декабря 1924 года. Семнадцать лет ему исполнилось в партизанском отряде, когда он умел уже не только стрелять, но и попадать в самое сердце врага. У Володи типичная биография юноши, воспитанно советской страной.

В очерке «Твой брат Володя Куриленко» (1942), пронизанном необычай-

ной эмоциональной силой, Леонид Леонов верно подметил, что «рано закончилась юность у поколения русской молодежи времен Отечественной войны. Родина поставила их в самое горячее место боя и приказала стоять насмерть». Уже в августе 1941 года Володя Куриленко самостоятельно организует партизанский отряд из ребят своего селения и руководит им. На счету юных мстителей много различных боевых операций: крушение вражеских эшелонов с живой силой и товарных составов, сообщение землякам правдивой информации, услышанной ночью по радиоприемнику, тайком установленному, налаживание связи с Красной Армией и выполнение разведывательных заданий для нее, ликвидация случайно встретившегося противника... Автор очерка, обратившись к современнику, просил его сердцем патриота почувствовать, глазами брата прочитать скудные записи из партизанского дневника за март и апрель 1942 года, в которых отражена хроника военных будней партизанского отряда. Леонов отмечал, что в этих записях, конечно, ничего нет о стремительной дерзости, об искусстве преодоления самых, казалось бы, непреодолимых препятствий, об особенностях партизанской жизни. Поэтому он развернул несколько протокольных записей, и получилось подробное, художественно написанное повествование о жизни партизанского отряда. В нем — диалоги юных бойцов, размышления командира Куриленко, описание некоторых боевых эпизодов, родная природа как помощница действий партизан и, конечно, лирические отступления. Вот маленький пример:

«Снова отправились в путь партизаны, и опять их было трое, с Володей Куриленко во главе. Теперь они свою взрывчатку заложили под железнодорожное полотно и терпеливо ждали, как ждет рыболов своей добычи на громадной и безветренной реке.

Сбивчивые стуки пошли по рельсам, — земля подсказывала на ухо партизану:

— Пора!

Володя выждал положенное время и крутнул рукоятку заветной машинки. И тихий русский вечер по-медвежьки, раскоряко, встал на дыбы и черную когтистую лапу взрыва обрушил на вражеский эшелон. Гаркнула тишина, и вагоны с их живой начинкой посыпались под откос, вдвигаясь один в другой, как спичечные коробки... И где-то невдалеке трое юношей, исполнители казни, сурово наблюдали эту лютую окрошку из трехсот фрицев.

— Люблю большую и чистую работу, — сквозь зубы процедил Владимир Куриленко и повернулся уходить».

К сожалению, в неравном бою с немецким карательным отрядом, охотившимся за партизанами, Володя Куриленко был смертельно ранен. «Не долго жил, да славно умер», — напомнил писатель древнюю русскую пословицу и подчеркнул: «Он умер за семь месяцев до своего совершеннолетия». На высокой эмоциональной ноте завершил Леонов этот героико-патриотический очерк, набатно прозвучавший по всей стране: «Для того ли родина любовно растила тебя, Володя Куриленко, чтоб сразила пуля гитлеровского подлеца? Прощай! Отряд твоего имени мстит сейчас за тебя на Смоленщине. На великой и страшной тризне по нашим павшим братьям мы еще вспомним, вспомним, вспомним тебя, Володя Куриленко!»

Открытие второго фронта против фашистской Германии во Второй мировой войне постоянно откладывалось. Американцы и англичане занимали выжидательную позицию: чем закончится противоборство Гитлер — Сталин. У них были свои интересы в этой войне. Второй фронт был открыт США и Великобританией лишь в июне 1944 года, когда Красная Армия, сломив мощь вермахта, развивала свое победоносное наступление. Работу, связанную с откры-

тием второго фронта вели не только военные и дипломаты, но и писатели, общественные деятели. Л. М. Леонов написал первое письмо «Неизвестному американскому другу» еще в августе 1942 года для американского радио, которое было передано через Совинформбюро. В 1943 году он написал второе письмо «Неизвестному американскому другу».

Писатель, обращаясь к рядовому американцу, стремился объективно рассказать ему об ужасах войны, «облика которой не могли представить себе даже самые мрачные фантасты, — им материалом для воображения служила наивная потасовка 1914 года». Гитлер идет на штурм мира. Вена и Прага, Варшава и Белград, Афины и Париж... И если бы не Россия, акцентировал Леонов, «он был бы сейчас на самом верху цитадели».

Русские люди крепко знают, что в этой схватке победят правда и добро. Они постигли значение этой воистину Народной войны. «Они дерутся за родину так, как никто, нигде и никогда не дрался». «Они ненавидят врага ненавистью, которой можно плавить сталь, — ненавистью, когда уже не чувствуется ни боль, ни лишения. Пламя гнева их растет ежеминутно... ибо безмерны злодеяния» гитлеровских громил.

Может быть, задавался вопросом Леонов, за океаном не знают правды о войне, может быть, там думают, что война не слишком кровопролитна, может быть, газетные описания палаческих ухищрений преувеличены?

«Сообщи мне адрес, — писал Леонов, — и я pošлю тебе фотографии расстрелянных, замученных, сожженных. Ты увидишь ребятишек с расколотыми черепами, женщин с разорванной утробой, девственниц ширезанной после надругательства грудью, обугленных стариков, никому не причинивших зла, спины раненых, где упражнялись на досуге резчики по человеческому мясу... Ты увидишь испепеленные деревни и раскрошенные города, маленькие братские могилы, где под каждым крестиком лежат сотни, пирамиды исковерканных безумием трупов... Керченский ров, наконец, если выдержат твои очи, увидишь ты! Ты увидишь самое милое на свете, самое человеческое лицо Зои Космодемьянской, после того как она, вынутая из петли, целый месяц пролежала в своей ледяной могиле. Ты увидишь, как вешают гирляндой молодых и славных русских парней, которые дрались и за тебя, мой добрый друг, — как порют русских крестьян, не пожелавших склонить своей гордой славянской головы перед завоевателями, — как выглядит девушка, которую осквернила гитлеровская рота...»

Спрятаться от таких злодеяний, пересидеть в убежищах никому не удастся. Война всех возьмет за горло. Если Гитлер на Смоленщине отбирал скудный ширпотреб у русского мужика, «почему бы ему не пожить с сокровищами американских музеев?» — справедливо вопрошал Леонов. Война, если ее не остановить, не пресечь, распространится по всему миру. «Мы, Россия, произнесли свое слово: Освобождение. Мы отдаем все, что имеем, делу победы. Еще не родилось искусство, чтобы соразмерно рассказать об отваге наших армий. Они отдают жизнь за самое главное, чему и ты себя считаешь другом. Но... *amicus cognoscitur amore, more, ore, re*¹».

1942 год еще не был отмечен крупными победами Красной Армии, что обусловило неторопливость в принятии решений правительством США. Леонов же, руководствуясь пословицей *капля камень долбит*, написал второе письмо «Неизвестному американскому другу». В нем он снова приводил примеры зверств фашистов, подробно рассказал о машине-душегубке. Это дизельный герметически закрытый восьмитонный грузовик, изнутри обшитый листами

¹ Друг познается по любви, по нраву, по лицу, по делу (*лат.*).

надежного металла, в который помещались маленькие дети и немощные старики для отравления их отработанными газами мотора.

Писатель сравнил свое письмо с корреспонденцией из ада. Он намеренно подробно описывал различные способы уничтожения людей фашистами для того, чтобы здравомыслящие люди, коими он считал американцев, поняли, что эти палачи не должны быть хозяевами земли. Этого нельзя допустить. А пока только Россия, у которой «ум и сердце не разъединены с ее волей и силой», «идет впереди всех народов на штурм пристанища зла». Она «без устали сокрушает обвиняемого ее ноги дракона», «кровь всемирного подвига катится по ее лицу». «Вот почему сегодня Родина моя становится духовной родиной всех, кто верит в торжество правды на земле!»

Вся военная публицистика Леонида Леонова пронизана гордостью за свой народ, свою родину, русский язык, буквально пропитана любовью к своей природе, историческому прошлому, народному творчеству, в ней акцентирована вера в победу и ненависть к врагу. Родная история выступает у Леонова своеобразным мериллом доблести и отваги: «Что же сказать вам, освободители Харькова? Дрались, как львы? Мало! Как орлы, когтили вы вражескую нечисть на поле боя? Мало!.. Вы бились, как деды ваши, прославленные герои былин и песен, которые поете вы сами. Вы сравнились с ними в доблести и преданности родине. Сам Александр Васильевич Суворов хвалился бы такими храбрецами...»

В статьях 1943–1944 годов актуальны как патриотические настроения, так и близость долгожданной победы. Ситуация на фронте изменилась: теперь слово *русский* звучит «как *освободитель* на всех языках», радостно констатировал Леонов. В 1943 году он пророчески писал: «Мы, русские, своими победами не обольщаемся и так полагаем, что Сталинград и Орел — только присказки, а самая сказка будет потом, ибо русские привыкли непрошенных гостей провожать обратно до самого их дома».

В этот период особую остроту приобрела тема расплаты. Как бы еще ни был силен враг, как бы он еще ни продолжал грабить, хватать «подвернувшееся барахлишко для своих белокурых берлинских марух», отбирать у нищей старухи «ее последнее достояние курочку-рябу», взрывать фундаменты детских домов, час расплаты близок. «Придется платить за все садистские упражнения и долгий кровавый дебош. Трясись, гитлеровская орава! Придется иному повисеть, иному побыть падалю, иному слезливо взглянуть в глаза нашему русскому парню, размахнувшемуся смертной плюхой».

Красная Армия, освобождая от гитлеровской нечисти нашу землю, наши старинные города, двигалась среди руин. Воины и возвращавшиеся из эвакуации жители видели результаты дьявольского шабаша, искусственные пустыни, масштабные разрушения. И в души наших людей проникла «мерная, величавая, молчаливая поступь Великого Гнева». «Нужно было много потрудиться, — ерничал писатель, — чтобы заработать такую ненависть. Ты добила этого, гитлеровская Германия!»

В статьях после сталинградской победы по-прежнему частое обращение к фольклорным персонажам и героям российской истории, но нередки и отсылки к немецкой истории, опосредованный диалог с высшими должностными лицами Германии периода Второй мировой войны. Вот писатель вспомнил точку зрения железного канцлера: «Напрасно Бисмарк наказывал внукам не соваться и в прежнюю-то русскую овчарню... Однако волчата пренебрегли заветами зоркого и матерого волка. На горе себе, они величавую тишь просторов наших приняли за сонливую лень, наши мирные призывы к труду и братству — за декларацию слабости».

Названия статей 1945 года говорят сами за себя: «Утро Победы», «Весна

народов», «Русские в Берлине», «Имя радости». В них автор не только описывал эмоциональное состояние победителей, но и анализировал причины великой Победы. Леонов полагал, что «мы победили потому, что добра мы хотели еще сильнее, чем враги наши хотели зла. Германия расплачивается за черный грех алчности, в который вовлекли ее фюрер и его орава. Они сделали ее своим стойлом, харчевней для жратвы, притоном для демагогического блуда, станком для экзекуций, плац-парадом для маньякальных шествий...». Мы победили потому, что войну вели освободительную. «Мы люди простые, рабочие. Освободительная война для нас — почетный, тяжелый и опасный труд». Мы победили потому, что вели войну всем народом. Не зря стоял долгие смены у станка рабочий, «и холил свой урожай» крестьянин, «и пытливо искал на бумаге кривые своих отличных боевых машин» конструктор, «и слагал песню, способную, как приказ, повести дивизию в атаку», поэт. О победе в годы войны думали все: «женщины у заводских станков», «осиротелые на целых четыре года ребятишки», «солдаты, в зябкий рассветный, перед штурмом, час».

Еще одна важная мысль подчеркнута Леоновым в этих статьях: мировое значение нашей Победы. Ее осознание и значимость будут прирастать постепенно: «Отдаленные правнуки наши, отойдя, еще не увидят нас в полный исполинский рост». Слава наша, твердо верил Леонов, «будет жить, пока живет человеческое слово. И если всю историю земли написать на одной странице — и там будут помянуты наши великие дела. Потому что мы защитили не только наши жизни и достояние, но и само звание человека, которое хотел отнять у нас фашизм».

